

Шанхая. «Находившегося» — потому что, как сообщает автор, село это оказалось в зоне японской оккупации и было разрушено.

Начав с общего географо-эконом-демографического очерка Кайсиенкунга, автор в последующих главах дает краткие характеристики основной общественной ячейки — семьи, далее собственности и порядка наследования, более широких родственных групп, села в целом, домашнего быта и хозяйственной деятельности, заканчивая главой, посвященной аграрной проблеме в Китае. В приложении — заметка о китайской терминологии родства.

Работа Фей прекрасна по замыслу и является первым в литературе опытом этнографической монографии, посвященной китайской деревне. Как сообщает автор, одновременно с ним такие же работы были предприняты и исполнялись несколькими молодыми китайскими учеными, получившими соответствующее специальное образование в Китае. Фей сверх того два года учился в Лондоне под руководством покойного Б. Малиновского. Отсюда печать «функционализма» и той, свойственной Малиновскому, особой манеры изложения, которая отчетливое описание фактов, необходимое этнографии прежде всего, подменяет своей, весьма субъективной интерпретацией и социологической оценкой этих фактов. Сюда присоединяются, тоже в манере современной зарубежной социологии, настоячивые попытки систематизировать и классифицировать, далеко не всегда удачно, все описываемые явления. В результате, изложение автора таково, что можно, если это кому-либо подойдет, заимствовать его оценки и характеристики, но фактический материал использовать трудно.

Преимущественное внимание и место автор уделяет вопросам экономики описываемого им села, в частности земледелию и кустарному шелкопрядению. Нам лично больше интересовали бы данные о китайских родственных группировках, в частности о большей семье «шиа», о которой много, но малоотчетливо говорилось в старой литературе и которая только в недавнее время сделалась предметом специального внимания и исследования ряда, преимущественно китайских, ученых. Но здесь автор, к сожалению, и краток и неотчетлив. Автор заявляет, что большой семьи в Кайсиенкунге нет, что она здесь исчезла, как и во всем Китае. Последнее не верно, во всяком случае в отношении южного Китая, где, по показаниям других исследователей, большая семья в ее пережиточной форме, сохраняется поныне. Но, сообщая, что семья в Кайсиенкунге состоит обычно из 4—5 человек, Фей рядом рассказывает, что сыновья, женившись, обычно не отделяются, а продолжают вести общее хозяйство и жить с отцом. Одновременно Фей дает такое определение китайской «шиа»: небольшая родственная группа, состоящая из семьи в качестве ее ядра и нескольких связанных с ней родственников. Но это все же не что иное, как большая семья! Китайские исследователи различают три вида родственных группировок Китая: «шиа» — большую семью, «ши» — родственную ветвь и «тсу» — то, что мы называем патронимией. Фей называет наряду с «шиа» «тсу» и указывает на реальное значение в общественной жизни и культуре этой группировки, однако необходимого описания ее не дает.

В общественной и духовной культуре Кайсиенкунга, видимо, очень сильны элементы материнского права, как это обнаруживается в среде сельского населения всего Китая. Автор, в качестве ученика Малиновского, не склонен эти элементы выделять, настаивая на сугубо патриархальном характере описываемого им общества, и слов «матриархат» или «материнское право» мы у него не находим. Однако о другом говорит ряд его сообщений: распространенность кузенного, считая по отцовской линии, брака, как наиболее предпочитаемой формы, тогда как брак так называемых параллельных кузенов, например, девушки с сыном сестры ее матери, считается «несчастливым» и избегается; распространенность часто сопутствующего кузенному браку сговора малолетних, тесная связь ребенка со своей материнской родней, которую он обычно посещает несколько раз в году, и пр., обо всем этом автор говорит бегло и кратко. Лишь об авункулате Фей сообщает более подробные сведения: материнский дядя — обязательный участник специальной церемонии, совершаемой по достижении новорожденным одного года, он выбирает имя ребенку, он отводит его первый раз в школу, он — посредник во всех конфликтах между сыном и отцом, защитник племянника от жестокого обращения отца, в случае необходимости племянник убегает к дяде, от дяди получает ценный подарок при женитьбе, дядя — судья при дележе имущества между отцом и сыном или между братьями.

Давая в пространном предисловии весьма высокую оценку книге Фей и отмечая научное значение подобного рода монографии, Малиновский, перейдя к общим рассуждениям, по своему обыкновению, настаивает на прикладном значении этнографического исследования, в данном случае — в плане изучения процесса «европеизации» Китая. Но эта предполагаемая Малиновским «европеизация» была для Кайсиенкунга предвосхищена радикальной «японизацией».

М. Косвен

Мохаммед Бахман Бахман биги, *Обычаи племен Фарса*. Тегеран, 1324 (1945).

Население Ирана, как известно, весьма неоднородно по своему этническому составу. Основная народность Ирана — иранцы (персы) составляют лишь около половины

всего населения страны, в то время как другую половину составляют многочисленные народности, главным образом тюркоязычные и ираноязычные, а на юге — арабы. К этим же трем группам принадлежит кочевое и полукочевое население обширной юго-западной провинции Ирана—Фарса. О племенах Фарса имеется довольно обширная литература. В прошлом столетии, особенно во второй его половине, Фарс посетили многочисленные (главным образом английские) исследователи и путешественники, опубликовавшие более или менее детальные описания края и его населения. Сводку всех этих материалов можно найти у Surzon'a в его «Persia and the persian question», v. II, 1892. Во втором десятилетии нашего века появились работы G. Demorgny «Les tribus du Fars» (Revue du Monde Musulman, v. XXII, Mars, 1913), и Б. Ф. Миллера «Кочевые племена Фарсисстана» (Восточный сборник, кн. II, Петроград, 1916). Обе эти работы, помимо собранных лично авторами материалов (Миллером во время его пребывания в Ширазе в 1906 г., а G. Demorgny в бытность его юрисконсультум иранского правительства), опираются также на персидский труд Хасана Фазаи «Фарснамее Насири». В Сборнике Музея антропологии и этнографии АН СССР (т. V, вып. 2) помещена работа А. А. Ромаскевича «Песни кашкайцев», в которой, наряду с некоторыми сведениями о кашкайцах, приводится подробная библиография по этой народности. Наконец, следует упомянуть статьи в «Энциклопедии Ислама» В. В. Бартольда о кашкайцах и В. Минорского о лурах; в последней из них содержатся сведения о кочующих в Фарсе лурских племенах (см. разделы Кухгелю и Мамасени).

Все опубликованные до сего времени материалы, касающиеся населения Фарса, представляют собой иногда общие сведения, иногда довольно детальные статистические, экономические и политические данные (названия, деление и расселение племен, сведения о занятиях населения, о продукции края, перечисление населенных пунктов, имена племенных вождей и старейшин, наконец, различные теории происхождения племен и их политическая история в связи с историей иранского государства). Помимо отдельных упоминаний о сезонных перекочевках, положении женщины среди кочевников и других подобных замечаний, тщетно было бы искать в литературе какие-либо детальные материалы по этнографии племен Фарса. Именно поэту вышедшая летом 1945 г. в Тегеране на персидском языке работа Мохаммеда Бахмана Бахман биги, по-видимому долго жившего среди племен Фарса, представляет значительный и, можно сказать, исключительный интерес, несмотря на свой небольшой объем (90 стр.).

Мы даем ниже подробное содержание книги, не придерживаясь, однако, последовательности изложения автора.

Кочевые племена Фарса подразделяются на четыре большие группы: хамсэ, кашкайцы, кух-гелуи и мамасени. Значительная часть этих кочевников совершает огромные сезонные перекочевки, проводя зиму на юге, в непосредственной близости к Персидскому заливу, а лето — в северных районах провинции, причем некоторые племена доходят до окрестностей Исфагана, проходя, таким образом, за год до 1200 километров.

Восточнее остальных расселена группа хамсэ, состоящая из пяти племен — таифе: бахарлю, инанлю, нафар, басери и араб — и нескольких более мелких племен, общей численностью более 15 тысяч семейств. Племена бахарлю, инанлю и нафар говорят на тюркских наречиях, басери — по-персидски и арабы по-арабски. Таким образом, хамсэ, по-видимому, представляют собой конгломерат племен. Каждое племя делится на более мелкие подразделения — тире, которых насчитывается от 6 до 13 в отдельном племени. Центром кочевков являются районы, прилегающие к озеру Нейриз. За последнее время размах кочевков хамсэ сокращается и кочевники постепенно оседают или переходят к незначительным по расстоянию сезонным перекочевкам.

Западнее хамсэ живет тюркоязычная группа кашкайцев, являющаяся наиболее многочисленной, сильной и влиятельной группой среди племен Фарса. Кашкайцы делятся также на пять крупных племен — таифе: дере-шурри, шишбулуки, кашкули, фарсмайдан и амале и до десятка мелких племен, общей численностью до 30 тысяч семейств. Эти племена также подразделяются на тире. В своих перекочевках кашкайцы ежегодно проходят путь от районов побережья Персидского залива, расположенных южнее Казеруна, Фирузабада и Джехрума до районов Семирума, Кумише и обратно. Приводя различные мнения о происхождении кашкайцев, в частности мнение Керзона о том, что кашкайцы являются отуреченными лурами, сам автор считает их родственными азербайджанцам и выходцами с Кавказа.

Наконец, в западной части области на сравнительно небольшой территории, между Казеруном и Рам-хармузом, в горах и предгорьях южной оконечности Загроша, живут мамасени и кух-гелуи, племена, говорящие на лурских диалектах и, по-видимому, родственные лурам, и в частности своим непосредственным соседям на северо-западе — бахтнарам. С-бщее количество кух-гелуи и мамасени достигает, по-видимому, 20 тысяч семейств. Мамасени делятся на четыре таифе — джави, бекеш, ростем и дошман-зиари и несколько мелких племен, также с подразделением каждого из них на мелкие группы — тире. Мамасени в настоящее время порывают с племенной организацией и тяготеют к городским центрам. Напротив, кух-гелуи, обитающие в горах и лесах, более других сохраняют первобытный образ жизни. Они делятся на три племена — агаджерри, бави и джаки. Первые два из них в свою очередь подразделяются на тире, в то время как джаки делятся на две крупные ветви: лирвани

и чахар-пандже. Лирави подразделяются на несколько тире, а чахар-пандже на тире: чуи, душман-зиари, чарам и боюр-ахмеди, опять-таки подразделяющиеся на более мелкие группы. Заслуживает внимания то обстоятельство, что тире боюр-ахмеди настолько усилилось и выросло численно за счет присоединения к себе значительной части представителей других родов и племен, что в настоящее время вся группа кух-гелуи обычно называется боюр-ахмеди. Это — наиболее воинственная и сильная и в то же время наиболее отсталая в культурном отношении группа кочевников Фарса.

Если под терминами тире и таифе мы будем видеть соответственно род и племя, то более высокое соединение типа кашкайцев, кух-гелуи или хамсэ следует считать народностью (кашкайцы) или союзом племен (хамсэ), которые у автора носят название «аиль». Среди племен кух-гелуи мы наблюдаем трехступенное деление (например: джаки — чахар-пандже — боюр-ахмеди), что В. Минорский (см. его статью «Луры» в энциклопедии Ислама) считает вообще характерным для лурских племен. Возможно, что среднюю ступень следует здесь рассматривать как объединение нескольких родов. Б. В. Миллер и Demogny указывают на наличие такой средней ступени и у племен группы хамсэ. Отметим попутно, что оба указанных автора в своей терминологии, относящейся к племенам Фарса, не проводят четкого разделения между племенами и родами и, называя племена хамсэ племенами, кашкайские племена считают родами, а всех кашкайцев в целом — племенем.

Организация управления племенами Фарса единообразна. Во главе племен (таифе) стоят калантары, во главе родов тире кадхуда, во главе более мелких подразделений, повидимому, больших семей или объединений нескольких семей стоят ришсафид (белобородые) или семейные старейшины. Калантары управляют своими таифе с помощью кадхуда, а эти последние управляют своими тире с помощью ришсафид, или старейшин. Союзы племен или народности («аиль») не имеют общего объединенного управления, за исключением кашкайцев, во главе которых стоят ильхани и его помощник — ильбеги. Кашкайские ильхани, играющие в крае, да и во всем Иране большую политическую роль, распространяют свое влияние, помимо кашкайцев, и на другие группы кочевников. Все вышеуказанные должности являются наследственными в определенных семьях и могут перейти в другие семьи лишь в чрезвычайных случаях или в результате кровопролития. Но вопрос о том, кто из членов правящей семьи займет должность ильхани, калантара или кадхуда, зависит от силы и способности того или другого претендента. Это вызывает вражду между претендентами, заканчивающуюся часто вооруженным столкновением. Случается также, что наследники или претенденты полюбовно делят между собой тире или таифе и управляют каждый своей частью. Несмотря на указанные столкновения между вождями, кочевники, по словам автора, предпочитают свои племенные власти центральным властям, поскольку вожди являются выходцами из своей среды, знают лично своих соплеменников, и последние имеют возможность непосредственного с ними общения. Авторитету вождей значительно способствует и то, что они устраивают для своих соплеменников или соседней массовой угодения и т. п. Вожди не имеют права назначения или смещения нижестоящих руководителей и должны лишь выбирать между наследниками прежних старшин, учитывая при этом желание масс. Значительной независимости кочевников способствует и то обстоятельство, что они все поголовно вооружены. Многочисленные случаи набегов, воровства и других преступлений приводят к взаимным ссорам отдельных таифе или тире между собой, которые, однако, обычно улаживаются вождями и лишь в редких случаях кончаются крупными междуплеменными столкновениями. Главной причиной междуплеменной вражды являются вышеупомянутые вопросы наследования должностей и споры калантаров. Часто спорящие прибегают к содействию другого племени, которое в силу традиции или других причин оказывает претенденту поддержку, и, если нет других способов уладить дело, начинается междуплеменная война. В прежнее время иранское правительство всегда признавало кашкайских ильханей и калантаров племен, не имея сил и возможности изменить сложившийся порядок вещей и положить предел их самостоятельности. Оно обычно отдавало распоряжение об утверждении в должности более сильного претендента, посылая ему халат и саблю. Иногда вожди кочевников настолько усиливались, что не признавали центральной власти и не допускали на свою территорию ее представителей; напротив, в те моменты, когда распри претендентов ослабляли племена, центральная власть всячески старалась прибрать кочевников к рукам. Реза-шах, проводя политику централизации государства, лишил ильханей их власти, назначил для управления кочевниками своих чиновников, всячески притеснявших народ, а также проводил политику последовательного разоружения кочевников и перевода их на оседлость. Однако после падения Реза-шаха кочевники Фарса вновь вооружились и изгнали представителей центральной власти. В настоящее время во главе кочевников Фарса, как и в прежнее время, стоят ильхани и калантары, почти независимые от иранского правительства.

Кочевники Фарса — народ выносливый, здоровый и сильный.

Мужская одежда кочевников состоит из архалука, шали и шапки — кулаха. Верхнюю одежду составляет «чеке», род накидки, набрасываемой на плечи и закрепляемой посредством шелкового шурка — «зенхаре». Поверх «чеке» кочевники опоясываются

патронным поясом и надевает на себя оружие и другое снаряжение. Женская одежда состоит из рубашки, нескольких халатов, надеваемых один на другой и доходящих до лодыжек, архалука — «ним тане», небольшого тонкого платка и большого шелкового платка, надеваемого поверх. Большинство кочевников живет в шатрах — «чадарах». Наиболее распространенными являются черные чадары удлиненной формы; одна сторона откидывается и служит дверью. Полотнища для этих чадаров изготавливаются на месте из козьей шерсти женщинами. Кроме того, встречаются более дорогие белые, голубые и желтые чадары, приготовленные в Исфагане и приобретаемые более зажиточными кочевниками. Основными продуктами питания кочевников Фарса являются: тонкий хлеб, который пекут на сковороде, молочные продукты, баранина или дичь, вис. В засушливые годы едят ячменный и кукурузный хлеб, травы. На юге большую роль играют финики. Кочевники питают особое пристрастие к чаю, в каждом шатре можно видеть грязный и закопченный чайник, кипящий день и ночь.

Семья у кочевников сохраняет свой патриархальный характер, хотя прежние семейные устои несколько нарушились. Во многих племенах семья представляет собой большую группу, которой управляет старейшина. Он имеет право наказать любого члена семьи, уклоняющегося от исполнения семейных традиций, может также женить или выдать замуж любого юношу или любую девушку по своему усмотрению. После замужества девушки обычно сохраняют крепкую связь с семьей отца и, в случае возникновения вражды между двумя семьями, отдают предпочтение семье отца или брата перед семьей мужа. Продолжателями рода и семейных традиций являются только сыновья и только они могут поддерживать огонь в очаге. Вообще домашний очаг весьма почитается. Клятва очагом считается священной и является достоянием доказательства правдивости слов клянущегося. Очаг человека, не имеющего сыновей, называют «слепым» или «немым». Несмотря на то, что иногда число членов семьи достигает 100 человек, они продолжают жить вместе и совместно владеть имуществом. Старшинство в семье после смерти отца переходит не к старшему брату, а к наиболее способному.

Кочевники часто выдают замуж несовершеннолетних и малолетних девочек. Часто родители мальчика и девочки совершают обряд сговора своих несовершеннолетних детей, а иногда даже выдают замуж двухлетнюю девочку, а лет четырех-пяти — везут в дом мужа. Существует обычай при перерезании пуповины новорожденного посвящать ее ребенку другого пола, который впоследствии должен стать супругом новорожденного. Сватовство ведется через пожилых и всеми уважаемых людей, которые способны оказать влияние на отца девушки в случае его нерешительности. После окончания сватовства ставится вопрос о калыме (башлук). Калым состоит из скота, денег и вещей, которые сватающийся дает отцу или семье девушки. В случае заключения родственного брака размер калыма несколько снижается. Обычай уплаты калыма имеет широкое распространение среди племен Фарса, размеры калыма весьма велики и в несколько раз превышают размеры приданого. Уплата калыма, в особенности для людей малосостоятельных, является весьма трудным и подчас невозможным делом. Многие после уплаты калыма окончательно разоряются. В некоторых родах кашкайского племени шиш булуки калым достигает такой величины, что руководители родов и племен штрафами и пеней пытаются ограничить его размеры. Расходы жениха и его семьи тем более ощутительны, что они не компенсируются приданым, которое вследствие того, что девушка не наследует имущества отца, очень невелико и состоит из немногих предметов личного обихода девушки, приготовленных обычно ее собственными руками. Размеры мехра, т. е. обеспечения, выдаваемого мужем жене на случай его смерти или развода, тоже очень невелики, женщина в большинстве случаев отказывается от своих прав на мехр, тем более, что разводы среди кочевников встречаются как исключение. Помимо больших размеров калыма, препятствием для заключения брака является также наличие в среде кочевников нескольких сословий, между которыми браки или вовсе запрещены, или весьма ограничены. Сословия эти следующие: 1) калантары, 2) кадхуда, 3) райя (собственно народ), 4) табакай паст (нижнее сословие). Нижнее сословие состоит из лиц, стоящих вне племен и родов и занимающихся главным образом ремеслом. У кашкайцев имеется еще пятое, высшее сословие, которое составляет семья ильхани. Как правило, представители высшего сословия берут в жены девушек из следующего, нижестоящего сословия, но девушек из высшего сословия в нижнее не отдают. Особенно позорным считается родиться браком с сословием ремесленников. Вследствие указанных причин в высших сословиях (ильхани и калантары) встречается много старых дев.

Свадьба, являющаяся делом всего рода, иногда и племени, справляется торжественно и пышно и стоит недешево. На свадьбу (часто издалека) съезжаются сородичи и соплеменники. Брачующим привозят подарки. Приглашаются танцовщицы и музыканты. Празднество, в основном, проходит в доме молодой и лишь в последний день переносится в дом молодой. В этот же последний день молодую с многочисленными обрядами торжественно отвозят в дом мужа. Она трижды обходит вокруг отцовского очага и целует его; к ее поясу подвязывают хлеб, чтобы она в первую ночь питалась хлебом из дома отца; на лошадь сзади нее сажают мальчика, с тем, чтобы первенец у брачующихся был мальчик. Молодой, встречая молодую у своего дома...

бросает ей померанец или яблоко. Молодая отказывается слезть с лошади без получения подарка от родни молодого. В шатре против места, предназначенного для невесты, ставится зеркало и сосуд с водой для обеспечения счастья новобрачных. Когда молодая впервые выходит из-за занавески в общее помещение, она должна опустить руку в хурджин с деньгами или в мешок с рисом или мукой, чтобы обеспечить семье благоденствие. Многоженство практикуется у кух-гелун и мамасени, у кашкайцев оно составляет редкое явление. Вдовы редко выходят вторично замуж. Исключения составляют левиратные браки, устраиваемые с той целью, чтобы имущество не ушло из рода или семьи. Развод, как указано выше, обычно не практикуется и осуждается.

В своей повседневной жизни кочевники руководствуются главным образом обычным правом, хотя все они являются мусульманами и их вожди и судьи знакомы с шариадом. Гражданские сделки обычно заключаются без письменного оформления, на основе взаимного доверия, причем показание свидетелей ценится больше, чем письменные договоры, подписи или печати. Суд и расправу обычно производят ильхани и калангары. Мерами наказания служат денежные штрафы, иногда содержание под стражей или телесные наказания. Иногда преступник, спасаясь от ответственности, бежит в какой-либо влиятельный дом или на могилу почитаемого святого и находит там себе убежище.

Обычные бытовые преступления — воровство и грабеж у представителей других племен. Воровство в собственном роде осуждается, в своем племени тоже считается нехорошим делом; напротив, воровство в чужом племени считается деянием весьма почетным. Нередки случаи (особенно среди боюр ахмеди), когда за неумеющих воровать отказываются выдавать замуж девушки. Существуют специальные шайки воров, среди членов которых наблюдается строгое распределение обязанностей: одни только пасут украденный скот, другие выслеживают добычу, третьи нападают и т. д. Воры имеют свою «мораль»: случается, что караван не подвергается разграблению только потому, что вместе с ним следуют женщины. Воры, если их настигнут и украденное будет отобрано, не стесняются требовать себе часть имущества в компенсацию за понесенные ими «труды», на что владельцы имущества обычно соглашаются.

Кочевники поголовно вооружены, и убийства, часто печальные, случаются нередко. Убийство обычно рассматривается как преступление, имеющее частный характер, особенно если оно произошло в тесном семейном кругу или в кругу сородичей. Следствием убийства является возникновение между семьями убитого и убийцы кровной мести, в которую вовлекаются иногда целые роды или племена. В таких случаях вожди и старейшины пытаются воздействовать на обе стороны и добиться примирения кровников. Существуют три формы примирения: 1) хунбах — выплата компенсации за убийство, практикуемая обычно в тех случаях, когда убитый принадлежал к более низкому сословию и к менее состоятельной семье, чем убийца; 2) васалат — примирение путем выдачи замуж девушки из семьи убийцы за кого-либо из родственников убитого; 3) бакшиш — примирение путем прощения убийцы: после предварительной договоренности убийца входит в дом убитого с мечом и с кораном в руках. Если такая договоренность не достигнута и родные убитого отказываются простить убийцу, то иногда последний внезапно входит к ним в дом с мечом и с кораном в руках, рассчитывая на их великодушие, и нередко все же добивается прощения.

Будучи мусульманами-шиитами, кочевники Фарса не являются ревностными исполнителями религиозных предписаний, хотя в их среде иногда имеют место вспышки религиозного фанатизма.

Широко распространено почитание могил святых и священных мест, известных в Иране под именем имам-заде. Кочевники делают приношения святым местам, приписывая им свойство творить чудеса, многие тяжбы разрешаются клятвой у имам-заде; имам-заде являются местами убежища для преследуемых преступников. Распространена также вера в «сглаз» со стороны дурных людей, которым опасаются показывать красивого ребенка или хорошую лошадь. Против сглаза применяются магические обряды, наговоры и амулеты. Кочевники верят, что вред и порча происходят благодаря злобному воздействию джинов или пари, и опасаются спать или находиться в таких местах, которые считаются излюбленными пари или джинами. Кочевники верят, что имеется особый злой джин «аль», вредящий роженицам и новорожденным и лохматой печени роженицы. Для изгнания аля применяются различные средства, вплоть до того, что знахарь бьет изо всех сил роженицу. В засушливые годы для вызывания дождя выбирают человека, которого наряжают и гримируют и с криком и песнями ходят по шатрам. Эта символическая фигура называется «кусе гелин». Кусе гелин прыгает, кричит и требует у хозяев шатров подношений. Все радуются его приходу, щедро наделяют его сладостями и выливают ему на голову чашку холодной воды. Таким путем кусе гелин якобы может собрать тучи и вызвать дождь.

Сохраняются и пережитки тотемистических представлений. Так, представители рода беи сиях кашкайского племени амале верят, что один из их родовых предков внезапно превратился в горного барана. Вследствие этого члены рода не охотятся на баранов и диких козлов и не едят их мяса, добытого другими. Среди охотников дру-

гих родов и племен распространено поверье, что не следует смотреть в глаза убитому горному барану, так как охотник может от этого заболеть.

Мы дали лишь неполное изложение этнографических материалов о племенах Фарса, приводимых в разбираемой работе. Однако и вышеизложенное позволяет судить о том, что рецензируемая книга является ценным вкладом в дело этнографического изучения Ирана, в частности, весьма мало известных племен юга Ирана.

По дошедшим до нас сведениям, книга Бахмана Бахман биги является дипломной работой автора, студента Юридического факультета Тегеранского университета. Поэтому не случайно автором уделено большое внимание правовым вопросам и обычаям у кочевников. Излагая тот или другой обычай или правовую норму, автор иногда привлекает и сравнительный материал.

Н. А. Кисляков

Новый сборник персидских сказок. Сказки собрал и издал Собхи, Тегеран, 1323 (1944), 157.

Автор книги в предисловии, обращаясь к детям, пишет, что эту книгу он издает для них. В течение последних шести лет автор еженедельно выступает по тегеранскому радио с чтением сказок для детей. Благодаря этому ему удалось собрать некоторое число сказок, присланных ему с разных концов Ирана. Автор сетует на низкий уровень просвещения в Иране и на то, что сбору и опубликованию народных сказок в Иране уделяется очень мало внимания. Действительно, публикации персидских сказок на персидском языке чрезвычайно скудны и до самого последнего времени этому жанру почти не уделялось внимания. Поэтому рецензируемая книга была очень тепло встречена в Иране. Автор рецензии, напечатанной в № 8 журнала «Песня ноу» (орган иранского общества культурной связи с СССР), отмечает, что в Иране так мало опубликовано иранских фольклорных материалов, что выход в свет подобной книги является событием. В последние 2—3 года в Иране начал все же пробуждаться интерес к отечественному фольклору. Созданный несколько лет назад Музей этнографии (Музей мардомшинаси) занимается сбором фольклора, в частности народных сказок; в журнале «Сохан» печатаются пословицы и поговорки, бытующие в различных районах Ирана; в журнале «Песня ноу» печатаются сказки и другой фольклорный материал.

Рецензируемая книга содержит 11 сказок, ко многим из которых добавлены различные варианты, представляющие собой зачастую самостоятельную сказку. Большая часть сказок сопровождается разного рода примечаниями, в которых приводятся другие варианты, указывается лицо, от которого записана сказка, и район, откуда данное лицо родом, перечисляются лица, приславшие автору различные варианты той или иной сказки. Автор рассказывает о судьбе одной из сказительниц, девочки Ахдас из Гольлайгана, выданной замуж за старого хаджу и умершей на чужбине в 16 лет.

Приводим краткое изложение некоторых сказок, помещенных в книге.

«Г о л е х а н д а н» — Смеющийся цветок. Сказка о девушке, у которой, согласно обещаниям четырех волшебниц, из глаз вместо слез падает жемчуг, при смехе изо рта сыплются цветы; под подушкой при ее пробуждении оказывается мешочек с сотней золотых; когда она ступает правой ногой, под ней появляется золотой кирпич, левой — серебряный. Злая тетка овладевает сокровищами девушки и бросает её в колодез, подсунув жениху-принцу свою дочь. Все разъясняется и оканчивается благополучно. В примечании говорится, что эта сказка рассказывается в последний вторник месяца ша'бана за угощением, посвященным Биби Хур и Биби Нур (мифические женские покровительницы).

«М о р д е с а а д а т» — Птица счастья. Сказка о двух братьях Сааде и Сеиде, съевших голову, печень и сердце птицы счастья, и о принцессе Деларам, похитившей у Сеида сердце и печень чудесной птицы. Сеид, обманутый принцессой, добывает ковер-самолет, скатерть-самобранку и ящичек с сурьмой, делающей человека невидимкой. Деларам снова отбирает у него эти предметы. В третий раз Сеид с помощью волшебной палочки превращает Деларам в осла и отбирает у нее все свои чудесные вещи, затем возвращает ей человеческий образ, сам женится на другой принцессе. Очень близкий вариант этой сказки значится у Аарне-Андреева под № 567. Один из вариантов этой же сказки опубликован В. А. Жуковским в его сборнике «Сказки Популярная». В примечании к этой сказке Собхи пишет, что это одна из популярнейших в Иране сказок и была она ему прислана несколькими лицами.

«С а а д в е С е и д» — сказка о шахе, лишившемся трона, его обманом увезенной жене и пропавших двух сыновьях — Сааде и Сеиде. Впоследствии шах становится правителем другой страны, так как выпущенный, согласно обычаю той страны, сокол трижды садится на его голову. Шах устраивает караван-сарай и у его дверей велит караулить по очереди юношам. Таким путем он находит своих сыновей и жену, которая, остановившись в караван-сараях на ночь со своим похитителем, слышит беседу двух юношей и узнает в них своих сыновей. В примечании к сказке говорится, что, согласно существующей легенде, в Куме против гробницы Али бен Джаффара в саду под двумя древними куполами находятся могилы Саада и Сеида.